

МОЛОДЕЖИ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

...ВПЕРВЫЕ КРИТИЧЕСКИ
ДОКАЗАНА МНОЮ...

Н. МАРКС

НАУЧНО ПРЕДСКАЗАННОЕ
ОБЩЕСТВО

РОЖДЕННАЯ В ДИСКУССИЯХ

ПОЧЕМУ ОСПАРИВАЮТ
ТЕОРЕМЫ?

лодежи о политической экономии/
Аузан, А. В. Бузгалин, А. И. Колганов,
Б. А. Мясоедов; Под ред. В. В. Куликова. —
М.: Экономика. 1987. — 223 с.

В книге в научно-популярной форме излагаются ключевые вопросы марксистско-ленинской политической экономии для формирования современного экономического мышления, политэкономического видения явлений и процессов у рабочей и учащейся молодежи. Раскрытие предмета и метода науки, категорий и экономических законов, противоречий экономического развития и практической функции политической экономии органически увязано с критикой буржуазных воззрений.

Для молодого читателя.

М 0603010000—085 КБ—3—60—87
011(01)—87

ББК 65.011

Научно-популярная

Александр Александрович Аузан, Александр Владимирович
Бузгалин, Андрей Иванович Колганов, Борис Алексеевич
Мясоедов

МОЛОДЕЖИ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Зав. редакцией Б. А. Мясоедов
Редактор Г. Л. Гуртова
Мл. редактор В. Ю. Григорьева
Техн. редактор О. К. Ли
Корректор А. С. Рогозина
Худож. редактор Е. А. Ильин
Оформление художника В. А. Галкина

ИБ № 2764

Сдано в набор 21.11.86. Подписано в печать 15.04.87. А 06202.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура латинская.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 11,76/23,94 усл. кр.-отт. Уч.-изд. л.
13,32. Тираж 50 000 экз. Заказ 1670. Цена 50 коп. Изд. № 6003.

Издательство «Экономика», 121864, Москва, Г-59, Бежежков-
ская наб., 6.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
НАУКА СВЕТОНОСНАЯ	5
Тайна жизни человеческого общества	5
Почему оспариваются теоремы	18
«Золотой ключик» политической экономии	25
«И был глубокий эконом...»	33
«И вдруг — понятен „Капитал“»	43
«...ВПЕРВЫЕ КРИТИЧЕСКИ ДОКАЗАНА МНОЮ» (О ВАЖНЕЙШИХ ОТКРЫТИЯХ «КАПИТАЛА» КАРЛА МАРКСА)	46
Микроанатомия буржуазного общества, или Открытие экономической клетки	47
Закон прибавочной стоимости, или Открытие капитализма...	55
«Всеобщий и абсолютный закон», или Предсказание взрыва...	65
КАПИТАЛИЗМ ПЕРЕЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА (ПОЧЕМУ ЕЩЕ НЕ УМЕР «УМИРАЮЩИЙ КАПИТАЛИЗМ»?)	77
Универсальный «секрет фирмы», или Что значит быть капиталистической монополией?	79
Кто владеет монополией? (Немного о финансовом капитале)	88
ГМК, или Головокружительная карьера и неравный брак «ночного сторожа» капитала	93
«Последняя стадия» — «последняя ступень» — что же дальше? (вместо заключения к главе)	107
НАУЧНО ПРЕДСКАЗАННОЕ ОБЩЕСТВО	111
Субъективизм? Нет, планомерность	112
Каждый — хозяин	122
Свободная индивидуальность в социалистической ассоциации	132
Экономический рост. А ради чего?	139
«Кто не работает, тот не должен есть»	149
РОЖДЕННАЯ В ДИСКУССИЯХ	157
Политической экономии социализма нет?	157
План или рынок?	161
Путь к системе	169
Поиск	174
Выбор целей	182
ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ (ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СОЦИАЛИЗМА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ)	189
Противоречия обновления	189
Старая дилемма	192
Ответственность и инициатива	197
Интересы и стимулы	203
Старое в новом	210
«Не лодырничай, не воруй...»	217
НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ	221

МОЛОДЕЖИ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

**Под редакцией
В. В. КУЛИКОВА**

ББК 65.011
М75

Рецензент:
докт. экон. наук **В. И. Данилов-Данильян**

Авторы книги:
А. А. Аузан, А. В. Бузгалин,
А. И. Колганов, Б. А. Мясоедов

М $\frac{0603010000-085}{011(01)-87}$ КБ-3-60-87

© Издательство «Экономика», 1987

Свежий ветер обновления все сильнее чувствуется во всех сферах нашей жизни. Перемены затрагивают все более широкий круг общественных отношений, и естественно, что в центре изменений оказалась экономика. Сегодня все сложнее оставаться в стороне от ее проблем. Из академических аудиторий они выплеснулись на страницы популярных журналов и газет, об экономике стали спорить журналисты, писатели, кинематографисты.

Но ни решить, ни даже правильно понять существующие проблемы нельзя, не обращаясь к строгой науке — политической экономии.

Именно стратегия обновления экономической жизни, сопровождаемая все нарастающей волной споров о том, как конкретно мы сможем решить те грандиозные задачи, которые поставил перед социализмом конец XX века, обусловила характер этой небольшой книги. Она меньше всего похожа на учебник, в ней нет готовых истин. Авторы сумели найти верный тон, они приглашают читателя отправиться вместе искать истину, творить политическую экономию. Многие проблемы в книге лишь ставятся, а предлагаемые решения скорее приглашают к дискуссии, чем «закрывают проблему».

Но из этого отнюдь не следует вывод о том, что в этой популярной работе нет науки. Наука в ней есть, и внимательный читатель сможет найти в книге содержание ряда ключевых понятий политической экономии капитализма и социализма. Однако для авторов раскрытие этого содержания — не самоцель, а средство показать живую, творческую роль науки политической экономии в решении сложнейших проблем сегодняшней экономической жизни.

В обществоведении сложилась дурная традиция, когда живой материал о человеке и обществе при изложении превращается в нечто скучное, формальное. Авторы стремятся (и не без успеха) отойти от надоевшей всем традиции. Вместе с тем нельзя обойтись без «предостережения» читателю: при всем стремлении авторов к популярности работа является сложной. Но не по стилю (Вы

встретите в этой книжке шутку, иронию и даже «полит-экономические» высказывания поэтов и писателей всех времен и народов — от Софокла до современных писателей-фантастов А. и Б. Стругацких), а по содержанию рассматриваемых проблем. Поэтому, берясь за книгу, приготовьтесь к определенной работе.

На Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук М. С. Горбачев говорил: «... еще до того, как мы достигнем качественно нового состояния нашего общества, мы должны добиться крупных интеллектуальных побед, существенно продвинуться вперед в сфере теории, в творческом осмыслении новых явлений и процессов жизни». Решение этой задачи во многом будет зависеть от интенсивности притока способной молодежи в экономическую науку, от скорости их научного роста. Хочется надеяться, что данная книга будет хотя бы в какой-то степени способствовать этому важному делу.

Доктор экономических наук,
профессор **В. В. Куликов**

Не слишком ли будет так сказать о довольно сухой и скучной на первый взгляд науке — политической экономии? Наше мнение однозначно: нет, не слишком.

И не потому, что нам так дорога «честь мундира». Мы — политэкономы и гордимся этим. Гордимся, ибо наша наука объясняет, ни много ни мало, материальные основы жизни общества. И не просто жизни, где однообразный труд сменяется на однообразное потребление и обратно, а объективных основ революционного преобразования общества. Не объяснять общество, а практически изменять его на основе добытых знаний — таково кредо марксизма, такова задача политической экономии какого составной части. Именно такой была, есть и будет марксистская политическая экономия, фундамент которой — «Капитал» Карла Маркса — стал теоретической основой пролетарской революции.

ТАЙНА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Именно так стоит вопрос, когда речь заходит о предмете политической экономии. Что есть жизнь человеческого общества? В чем объективные основы, закономерный фундамент развития государств и народов?

Александр Македонский карликовое полисное государство (в десятки раз меньше Московской области по территории, а население уместится в микрорайоне из тысячи панельных многоэтажек) превратил в империю, обнимавшую половину «ойкумены» — известной земли человечества. Наполеон Бонапарт был кумиром эпохи. Человек, перевернувший судьбы Европы. Мысли десятков выдающихся людей Франции, Германии, Италии, России были обращены к этой личности, одновременно зловещей и сильной.

Так что же, личность правит миром? Ее гений, сила человека, его воля?

А может быть, в истории есть объективные законы? Что диктует человеку его поведение? Мораль, Идеология,

Вера? Христианство, ислам, буддизм и язычество — трудно поверить, что люди, сформировавшиеся под их влиянием, живут на одной земле. Даже в конце XX в. всплески мусульманского фанатизма охватывают целые страны, десятки миллионов человек.

Может быть, Дух движет человеческой историей? Чрезвычайно сложен ответ на этот вопрос. Тем парадоксальнее выглядит простота тех рассуждений, которые приводят К. Маркс и Ф. Энгельс, обосновывая роль материального производства как основы жизни человеческого общества: «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни... Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самое свою материальную жизнь» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 19).

Итак, материальное производство как основа жизни общества — вот первый шаг к выделению предмета политической экономии. Но производство чего? Как «чего»? Машин, станков... продуктов. А если кто-то вспомнит такие «красивые» и научные понятия, как средства производства, предметы потребления или, скажем, конечный общественный продукт, — тут уж и наука налицо.

И все же этот ответ будет верен лишь отчасти. Самый главный «продукт», который мы производим, самый главный результат нашего труда — это сами люди в их общественных отношениях друг к другу. «Плевать хотел я на режим, важно знать, какой тип человека создается этим строем», — сказал как-то Экзюпери и был прав. Так перед нами встает любопытнейшая проблема.

Человеческой деятельности всегда предшествует постановка осознанной цели (этим, кстати, человек отличается от животного), которую он и реализует в процессе труда. Следовательно, деятельность человека является сознательной, человек в труде создает то, что он задумал, решил сделать. Логично, не правда ли? В то же время мы зафиксировали выше, что одним из результатов труда являются общественные отношения людей в процессе производства — производственные отношения. Эти отношения носят объективный, не зависящий от воли и сознания человека характер. Это азбучная истина марксизма. Следовательно, люди сами сознательно и целенаправленно формируют то, что от их воли, цели и созна-

ния не зависит. Все вроде бы логично, за исключением одной мелочи: первая часть предыдущей фразы напрочь отрицает последнюю. Налицо антиномия (так ученые называют высказывания, в которых об одном и том же предмете в одно и то же время содержатся два взаимопротивоположных, исключающих друг друга суждения).

Как разрешить эту антиномию, как разобраться в этом парадоксе человеческой деятельности? Тут есть над чем подумать. Поэтому запаситесь терпением, читатель. Первое, что здесь придется сделать, это разграничить производительные силы и производственные отношения. И вот почему: оказывается, деятельность человека как одаренного волей и сознанием субъекта существует только в сфере производительных сил, в производственные отношения индивид включен независимо от его воли и сознания. Деятельность отдельного работника является субъективной, отношения же социальных групп, классов складываются объективно.

Понятно, о чем шла речь выше? Чтобы толком объяснить, что все это означает, а заодно окончательно разделаться с проблемой соотношения сознательности человеческой деятельности и ее зависимости от объективных законов, давайте немного отвлечемся.

Отступление 1: Лабиринт Минотавра, или Человек в социально-экономической системе

Для начала представьте себя заплутавшим в лабиринте, где, помимо всего прочего, еще есть масса препятствий на Вашем пути. У Вас есть кирка и лопата, некоторые навыки в преодолении рвов и разборе «баррикад», но нет плана лабиринта.

Представили себе эту не слишком радужную ситуацию? Ну так вот, именно в такой ситуации находится каждый человек, когда он выбирает сферу приложения своей деятельности, свой жизненный путь. Лабиринт, в который он попадает, — это жизнь, ее законы, ее отношения. Их много, они сложны. И им приходится приносить жертвы не меньше тех, что требовал Минотавр — мифический хозяин лабиринта. От них зависят жизнь и смерть человека: то, как он будет жить, каким будет его доход, какое удовлетворение он получит от своего труда и получит ли он его вообще, добьется ли он успеха и т. д. и т. п.

Эти отношения объективны, как «объективен» лабиринт: его создала история, а не лично Вы, и не от Вас зависит то, каков он. Но искать «выход» из тупиков этого лабиринта жизни и ее экономических законов — Вам. Вы наделены «волей и сознанием» — имеете определенные знания и профессию (в нашем примере Вы знаете, как разобрать определенный «завал»). У Вас есть «цель» — некоторые потребности, которые хотите реализовать (в примере такая цель одна — выйти из лабиринта). Вы способны на целесообразную деятельность: идти вперед, преодолевать препятствия. Или не способны — тогда полная пассивность и медленное угасание. Но оставим этот грустный вариант...

Так вот, Ваша деятельность по разбору «завалов» в лабиринте, Ваш каждодневный труд (все равно какой — стоите ли Вы у станка или подметааете около него стружку) будут всего лишь деятельностью определенной производительной силы, а именно — рабочей силы (напомним, что производительные силы состоят из орудий труда — станков и машин, предметов труда — сырья и материалов и, наконец, самого труженика — человека). В этом своем качестве Вы будете действовать сознательно и целенаправленно. Но путь по лабиринту (Ваш жизненный путь), совокупность Ваших отношений с другими людьми, с обществом будут складываться объективно, независимо от Вас. Вы можете лишь выбирать (с большим или меньшим знанием дела) тот или иной «маршрут». Но сами производственные отношения (лабиринт) от Вашей воли и сознания не зависят.

Есть здесь, правда, один очень любопытный нюанс. По лабиринту-то можно ходить и не вслепую. Можно иметь план этого лабиринта или хотя бы некоторый навык блуждания по нему. Так же могут быть «навык» и «план» для «блуждания» по лабиринту экономических отношений. Навык — это то самое «обыденное сознание», «опыт предков», который почти безошибочно подскажет, что, занявшись выращиванием цветочков для рынка, Вы в ближайшем будущем и с минимальной затратой сил получите достаточно большой доход, а отправившись в политехнический институт, будете трудиться в поте лица 5—6 лет, а потом получите зарплату, которой не хватит даже на фирменный «player».

Но предсказание «здорового смысла» — не всегда истина в последней инстанции. Когда-то В. И. Ленину советовали стать коммерческим директором крупной фирмы на Волге — придумать более «уважаемое» место для начинающего юриста обыденное сознание начала века просто не могло. Жизнь же рассудила иначе...

К сожалению (или к счастью?), полагаться на «здравый смысл» можно далеко не всегда. И здесь приходит на помощь наука. В частности — экономическая наука, политическая экономия, создающая «план» «лабиринта» — производственных отношений. Она уже за семьдесят лет до победы социалистической революции предсказала неизбежность победы социализма. Она многое сделала, поверьте нам пока что на слово. Далее мы подробно расскажем о социальной (общественной) роли экономической науки. Сейчас же настало время рассказать подробнее о том, что же представляет собой экономика не как наука, а как объективная реальность. Вернее, не представляет, а представляла, поскольку экономика развивается и изменяется постоянно: сегодня она не та, что сто лет назад, а сто лет назад — не та, что тысячу... Рассказать об экономике — это значит рассказать об ее истории.

«Рассказать» об истории экономических отношений человечества на нескольких страницах — это, конечно же, громко сказано. Мы будем скромнее — лишь несколько интересных и, пожалуй, поучительных эпизодов — вот и все, что мы можем предложить Вам, читатель. Впрочем, перейдем к делу. Начнем с того, что «экономика» возникла... неизвестно когда. Расхождения в датировке рождения экономических отношений огромны: от миллиона (а то и полутора) до 40—50 тыс. лет отделяют нас, по мнению различных ученых, от происхождения общест-

венного материального производства. «Дистанция огромного размера». И здесь есть о чем поспорить. Но есть и объяснения, «снимающие» всякие споры: человек и его общественная трудовая деятельность возникали постепенно, скажут Вам умудренные опытом ученые мужи и будут в чем-то правы. Но только в чем-то.

«Объяснение скачка постепенностью содержит в себе скуку, свойственную тавтологии», — отметил сто пятьдесят лет назад Георг Вильгельм Фридрих Гегель, великий немецкий философ-диалектик. Скачок был. Не потому, безусловно, что мы слепо доверяем авторитету Гегеля или безрассудно следуем постулатам диалектики, гласящей, что развитие совершается лишь в смене революций (скачков) и эволюции (постепенности). О том, что скачок был, говорит прежде всего практика — высший критерий истины. Этот скачок был долг, длился не дни, не годы и даже не столетия. И все же это был скачок из царства животных в царство человеческих общественных отношений, и прежде всего отношений экономических. Он начался не там, где наш звероподобный предок впервые взял палку, чтобы сорвать плод или камень, отогнать хищника (это может и обезьяна), а там, где первобытные люди соединились для совместного производства, обмена и распределения его продуктов и их потребления. Иными словами, этот скачок произошел, когда возникли *производство средств производства и отношения между людьми в процессе создания, распределения и потребления произведенных при помощи этих средств производства продуктов*.

Какими они были, эти отношения?.. Трудно сказать достоверно. Если спросить об этом Вас, читатель, то Вам на ум придет скорее всего сцена охоты на мамонта или образ честного и благородного индейца. Может быть, сюжет из фильма про аборигенов Австралии или жителей Центральной Африки. Впрочем, дело не в ассоциациях, а в проблеме, которую можно сформулировать примерно так: чем общественные отношения человека отличаются от стадного поведения животных? Или еще точнее: что представляют собой общественные трудовые отношения людей в отличие от «отношений» в стаде?

Наиболее очевидные, хотя и поверхностные, отличия лежат, как это ни странно, не непосредственно в труде (отличить деятельность животного от труда человека на ранних ступенях эволюции *homo sapiens* очень сложно), а в иных сферах: человека отличает членораздельная

речь как абсолютно необходимое условие человеческой деятельности и то, что, воздействуя на природу, преобразуя и используя ее, человек делает это не только утилитарно.

Он формирует свой мир также по законам красоты и целесообразности. Творчество — вот формула истинно человеческой деятельности. Ни первого, ни второго не знает ни одно животное. Речь и искусство — феномены, принадлежащие только человеческому обществу.

И все же это лишь признаки. Существенные черты специфики человеческой деятельности лежат глубже.

Сознание, познание, общение и предметность (оперирование с предметами), назовет психолог. Создание орудий труда и наличие общественных отношений, скажет политэкономом. Общественный и материальный характер деятельности, подытожит философ. Эти три основных направления и дадут характеристику труда человека в отличие от деятельности животного. Останется только добавить членораздельную речь и формирование мира по законам красоты и гармонии (творчество) — и простейшее определение налицо.

Не правда ли, странно: для того чтобы подойти к выяснению отношений между членами первобытной общины, пришлось разбираться с возникновением (по-научному — генезисом) материального производства, а чтобы разобраться с этим вопросом, — обратиться к характеристике специфики человеческой деятельности, которую может дать только совокупность общественных наук — психологии, политэкономии, философии и даже искусствоведения.

Это действительно немного странно, но тем не менее факт, за которым скрывается закономерность: невозможно познать экономические явления «самостоятельно», в отрыве от всех других проявлений человеческой жизни, ибо сами экономические отношения складываются всегда посредством всего комплекса человеческих отношений и вне их не существуют.

Закономерность эта тривиальна. И мы бы не стали «огород городить», рассуждая о проблемах возникновения человеческой деятельности, общественного труда, чтобы ее вывести. Нам необходимо было показать основные черты генезиса общественного производства, чтобы раскрыть для Вас далеко не столь очевидную закономерность: общественные (и прежде всего экономические) отношения человека возникают и существуют как сред-

ство сделать человека творцом, свободным. В этом величайшая миссия общественной истории человечества.

На первый взгляд это всего лишь лозунг, который плохо согласуется с фактами.

Первобытный человек был полон страха, голода и унижительной зависимости от сил природы. В определенном смысле он был даже забит: существует гипотеза, что основной сферой деятельности людей первоначально была некрофагия — «разделка» и поедание трупов животных. (Поршнев Б. Ф. О начале человеческой жизни. М.: Мысль, 1974. С. 100—112). Дико звучит? Обидно за род человеческий? Мы привыкли гордиться своим прошлым, а тут... Но не спешите отворачиваться от прошлого, в нем есть чем гордиться.

Общества эпохи племенных союзов были на первый взгляд гораздо ближе к идеалу свободы. Добрые и смелые герои — Рама, Гайавата, Калев или более близкие современному человеку (ставшему не столько читателем, сколько кинозрителем) Виннету и Чингачгук уже похожи на свободных людей. Но им недолго было суждено курить трубку мира, сражаться с демонами, колдунами или бледнолицыми бандитами. Пришедшее на смену племенной демократии классовое общество, неся с собой прогресс производительных сил, одновременно рождало все более изощренное угнетение. В древнем Китае за несданные вовремя подати закапывали живьем в землю всех родственников провинившегося вплоть до четвертого колена. Короткий всплеск красоты и свободы рода человеческого — Древняя Греция, но и он был полон крови и насилия. А на смену идет мракобесие христианства и ислама. Большая часть человечества трудится, не видя жизни, низводя себя до состояния скота, а меньшая деградирует в бессмысленном потреблении растущих материальных благ. Кровь, пот, бессмысленная роскошь.

И все же это был хоть и не прямой, но рост свободы человечества. Человек, начав свою трудовую деятельность, стал освобождаться от власти законов природы. На смену законам борьбы за существование пришли новые, более «могучие» экономические законы, и мир подчинился им. Люди, освобождаясь от естественной необходимости, зависимости от природы, становились объектом необходимости экономической. Их поведение, жизнь, весь способ существования стали определяться экономическими законами, экономической необходимостью.

Но и здесь люди не были лишь ее рабами. Всемирная История полна не только муки, принуждения и крови. Она знает величайшие достижения человеческого творчества, его гения, красоты и добра. И знаменитое гамлетовское «быть или не быть» не столько звучит для нас муками сомнений в целесообразности существования, сколько живет болью творца, оценивающего свои силы:

«Быть или не быть, вот в чем вопрос. Достоин ли
Смиряться под ударами судьбы
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними?»

Сквозь боль и утраты, вопреки обстоятельствам и господствующим общественным законам люди хотели странного!

Странного — это счастья каждому человеку. И рабу доставало мужества, чтобы сражаться, как Спартак, и умереть, как Спартак. Сражаться за свободу, счастье, которые станут законом жизни каждого. А ведь силу можно использовать и для наживы.

Странного — это борьбы за истину в жестоком и равнодушном обществе, которое в благодарность предложит Сократу чашу с ядом, а Бруно — костер. А ведь на знании и таланте можно неплохо заработать.

Странного — это полета творческой мысли и деяний, рождающих храм Артемиды Эфесской и вычисляющих окружность Земли за два тысячелетия до первого кругосветного путешествия, открывающих новые континенты и дарящих человечеству женскую улыбку, которой можно восхищаться бесконечно. А ведь красоту можно и выгодно продать.

Это было странно, по-настоящему странно в эпоху жесточайших войн, религиозного фанатизма, изнурительно-тупого труда... Но все это было! И люди, творившие в сии времена, восстававшие против несправедливости, создававшие величайшие произведения искусства, открывавшие вечные научные истины, — эти люди были свободны. По-настоящему свободны, даже если они были рабами или гнили в тюрьме. Они стремились к невозможному, они не подчинялись тому, чему невозможно не подчиниться, — законам материального существования.

Да, большая часть человеческого общества — трудящиеся — была обречена на рабское существование. Но и будучи рабом, можно стать Человеком. Послушайте В. И. Ленина: «Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не

сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 40).

Как удавалось людям быть свободными в обществе эксплуатации? Может быть, на них не распространялись законы общественного развития? Безусловно, дело здесь не в особенностях личности. И не в том, что из любого правила бывает исключение. Из законов исторического развития исключений не бывает. Дело в другом. Историю творят люди. И люди, обычные смертные, такие, как мы с Вами, могут действовать не в соответствии с господствующим старым, а в соответствии с нарождающимся новым законом. Именно законом, ибо революционные порывы угнетенных, их классовая борьба, поиск Истины учеными, творение Добра и Красоты художниками вопреки эксплуатации, насилию, отчуждению столь же закономерны в человеческой истории, как и ее жестокость. Борцы, творящие историю, — ее живой пульс, жизненная сила прогресса общества.

Поначалу их бывает мало. Но затем, когда час старого общества пробьет, массы встанут на путь, указанный единицами, на путь тех, кто предвосхитил логику исторического процесса. И падет Древний Рим. Через тысячу лет восставший народ разрушит Бастилию. А еще через сто с небольшим лет человечество станет свидетелем штурма Зимнего, а потом и казарм Монкада. Люди будут идти к своему освобождению. Бороться. И побеждать. Не сразу. Через боль, кровь и утраты шло, идет и будет идти человечество к освобождению. И придет к нему. Ибо это не мечты, а закономерность общественного развития, экономический закон. Познать его помогла экономическая наука, марксизм. Претворять его в жизнь в будущем — Ваша задача. Задача, решить которую со знанием дела поможет политическая экономия — наука о материальных основах борьбы за освобождение человечества. Борьбы не только с правительствами и тиранами, но и с объективными основами и насилия власть предержащих, и тирании «сверхчеловеков», и главное — тупого равнодушия мещанского болота.

Вот почему *политэкономия — наука революционная*. Но поскольку она наука, постольку нам придется на

время оставить в стороне ее высокий пафос и зафиксировать некоторые названные ранее научные представления о политической экономии.

Ее предмет — производственные отношения. Политическая экономия исследует прежде всего не то, что люди производят, а то, как люди производят, при каких общественных отношениях. Для нее главный результат производства — не станки и машины, не зерно и хлопок, т.е. не продукты труда, а человек в его экономических отношениях. При этом политэкономия обязательно различает, какое именно общество имеется в виду: рабовладельческое или феодальное, социалистическое или капиталистическое. Ведь политическую экономию интересует не существование общества вообще, а сохранение и развитие тех особых экономических основ, которые делают общество при одних условиях феодальным, а при других — социалистическим. Эти основы — производственные отношения.

Что же конкретно интересует политэкономов? Главное, что их интересует, — это характер соединения непосредственных производителей со средствами производства, отношение собственников земли, фабрик, корпораций и работников. Это основное производственное отношение всякого общества.

Что оно собой представляет? Чтобы проще было разобраться, попробуем пояснить на примерах. Ни в одну историческую эпоху трудящийся не мог просто взять и пойти работать — в поле, к станку, на шахту и т.п. Для этого он должен был вступить в определенные отношения с собственником этих средств производства — поля, станка, шахты. В разные эпохи эти отношения были различны, что и определяло различия в экономическом, а в конечном счете и во всем общественном строе в эти эпохи.

При первобытно-общинном строе человек мог трудиться лишь в том случае, если он принадлежал к какой-либо общине. Только тогда он мог охотиться на землях общины, пасти скот на общинных пастбищах и т.д. Поэтому одним из самых страшных наказаний в ту эпоху было изгнание из общины. В этом случае изгой был практически обречен на гибель, если, конечно, какая-либо другая община не принимала его к себе. С одной стороны — равенство всех перед общиной (во всяком случае на ранних этапах развития), с другой стороны — поголовное рабство всех перед традицией рода. Инди-